

**Военные
Приключения**

ВИРУС "В-13"

МИХАИЛ МИХЕЕВ

Военные приключения

Михаил Михеев

Вирус «В-13»

«ВЕЧЕ»

1955

Михеев М. П.

Вирус «В-13» / М. П. Михеев — «ВЕЧЕ», 1955 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4444-8922-2

Май 1945 года. Вторая мировая война закончилась, Германия повержена, готовится суд над международными преступниками, а недобитые нацистские прихвостни уже ищут себе новых хозяев. В руки советской контрразведки случайно попадают материалы, однозначно указывающие на то, что гитлеровцы активно работали над созданием страшного биологического оружия, а участники этого секретного проекта не только избежали ареста, но и готовы продолжить начатое...

ISBN 978-5-4444-8922-2

© Михеев М. П., 1955

© ВЕЧЕ, 1955

Содержание

Книга первая	6
Разговор в тишине	7
Профессор Морге	9
Последний выстрел	12
Два друга	13
Первая встреча	16
Загадочная находка	18
Новое предложение	21
Прошел год...	25
Подслушанный разговор	28
Голубое безумие	31
Клиника № 11	34
Новый лаборант	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаил Михеев

Вирус «В-13»

© Михеев М.П., наследники, 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Книга первая

Голубое безумие

Берлин... Весна. Начало мая тысяча девятьсот сорок пятого года.

На улицах фашистской столицы, впервые за все время десятидневного штурма, вдруг наступила непривычная тишина.

Над просторами Европы замолкли отголоски последнего оружийного залпа.

В городах затихли сирены воздушной тревоги. Жители уже снимали с окон шторы светомаскировки, доверчиво вглядывались в ясное весеннее небо. Выбегали на улицы и обнимались друг с другом знакомые и незнакомые, объединяемые одним радостным чувством.

Война закончилась!

Разговор в тишине

Далеко от Берлина, в городе, на улицах которого за все время войны не разорвался ни один артиллерийский снаряд, в комнате с большими венецианскими окнами, стекла которых никогда не заклеивались крест-накрест бумажными полосками, над круглым полированным столиком из мореного дуба с мягким хрустальным звоном встретились два бокала, и произошел следующий разговор:

– У вас еще сохранилось отличное шампанское, Эксон?

– Кажется, последняя бутылка из довоенных запасов. Велел подать в честь нашей встречи.

– Вот как?.. Что ж, благодарю! Признаться, не ожидал, что мой визит будет расценен вами как радостное событие, стоящее последней бутылки такого превосходного шампанского.

– Я всегда к вам хорошо относился...

– Я знаю.

– Разрешите налить еще...

– Э, нет! С вами, Эксон, нужно разговаривать на свежую голову. Я еще не забыл, как вы перехватили у меня завод военных дизелей в Зиттине.

– Ну что вы, право...

– Не оправдывайтесь, пожалуйста! Тем более что я не собираюсь вас упрекать. Наоборот, с того дня я почувствовал к вам уважение.

– Хорошо, тогда посоветуйте, что мне сейчас делать с этим заводом? Война закончилась, я боюсь, что не найду заказчиков на мои дизели.

– Продайте завод мне.

– Вам? Что же вы будете с ним делать?

– Я буду выпускать мясорубки.

– Мясорубки?! Вы шутите.

– Так же, как и вы, Эксон. Вам удалось провести меня один раз, и вы уже считаете, что имеете дело с простаком? Дорогой мой, вы прекрасно знаете, что найдутся заказчики и на мои авиамоторы, и на ваши дизели.

– А вы не считаете, что в скором времени величина военного потенциала того или иного государства станет зависеть не только от числа бомбардировщиков с вашими моторами и танков с моими дизелями?

– Что ж, где-то вы правы, Эксон. Тут поговаривают о создании новой супербомбы, будто бы она мощнее любой существующей в тысячи раз.

– Я уже слышал о ней. Новый вид бомбы представляет интерес, но, как я уже знаю, для ее изготовления необходим колоссальный энергетический потенциал, десятки заводов – нет, это не для нас с вами. Притом, как я считаю, у этой сверхмощной бомбы недостатков будет больше, чем достоинств.

– Поясните, Эксон.

– Охотно! Как вы знаете, после использования любой бомбы остаются трупы и развалины. И чем бомба мощнее – тем больше трупов и развалин. Мертвецов нужно хоронить, дома заново строить. Супербомба невыгодна экономически. Она еще более невыгодна политически. Если вы применили ее первым – она создаст много разговоров, обсуждений, осуждений, и вы потеряете в мире свое политическое реноме.

– Ну, на это можно и не обращать внимания. Победителей не судят.

– Думаю, будут судить. Времена наполеонов прошли.

– Что же нам остается делать, Эксон?.. Жаль, конечно, что у нас с вами нет заказов на какое-либо новое, такое же мощное, но более бесшумное оружие.

– Оно уже есть.

– Вот как? а именно?

– Микробы.

– Глупости, мой дорогой. Я знаю, что японцы несколько десятков лет возятся с чумой, холерой и прочими пакостями. И все без толку. Не так уж трудно обезопасить население.

– От заражения чумой и холерой – да. Но что вы скажете о микробе, который еще не известен миру; против которого медицина еще не имеет ни средств, ни опыта борьбы. Допустим, я покажу вам маленькую пробирочку и скажу, что содержимым ее можно заразить тысячи человек.

– Все равно хлопот не меньше: их потом придется либо лечить, либо хоронить.

– В том-то и дело, что нет... Микроб не убивает. Он, как бы вам сказать...

Объяснение было кратким.

В комнате наступило молчание. Затем голос, ставший чуть хриплым, спросил:

– У вас... у вас есть такой микроб, Эксон?

– К сожалению, еще нет. Но у меня есть человек, который сможет его вывести.

– Фу-у!.. Так какого же черта вы затеяли этот разговор! Да вы знаете, сколько приходит ко мне таких изобретателей, ученых-шарлатанов, которые предлагают и новые газы, и новые пушки, и зараженных комаров, мух, и даже клопов, и прочую ерунду. Вот не думал, что вас можно заинтересовать такими фантазиями.

– Но это действительно ученый. Он видный немецкий профессор, работал в Германии по заданию Гитлера.

– Скажите пожалуйста!

– Не иронизируйте. У меня есть документы. Фюрер даже рассчитывал с его помощью поправить свои дела.

– Так почему же он их не поправил?

– Русские заняли Берлин раньше, чем профессор успел закончить свою работу.

– Хм... И теперь он обратился к вам.

– Нет. О нем рассказал мне его помощник. Я послал за профессором самолет. Вы можете поговорить с ним.

– Наконец я понял вас, Эксон. Вы хотите, чтобы я вложил свои деньги в ваше микробное предприятие?

– Да.

– И не подумаю. Я не верю в микробы. Вы скажете, у меня не хватает фантазии, – пусть так. Да, я верю только в видимые и осязаемые вещи: пушки, бомбы, самолеты... Впрочем, денег я могу вам дать. Под залог вашего завода.

– А что, если такой микроб у меня все-таки будет?

– Тогда, мой дорогой, я сам приду к вам и буду просить, чтобы приняли меня, хотя бы счетоводом, в ваше предприятие... Действуйте, Эксон!.. Но мой совет – производите все ваши работы с микробами где-нибудь подальше. Иначе разговоров будет не меньше, чем после взрыва хорошей бомбы. Боже вас упаси ввязывать правительство. Пусть пока что это будет ваше частное дело.

– Понимаю.

– Вот теперь мы можем допить шампанское. За ваш успех...

Профессор Морге

Легкий двухместный самолет мчался в сплошном серовато-белом месиве облаков.

Перед глазами профессора Морге покачивалась голова пилота в черном кожаном шлеме. Монотонно гудел мотор. Сквозь ватные затычки в ушах его шум доносился глухо, как вой ветра в трубе в осеннюю ночь.

Рукой, заткнутой в перчатку, профессор протер боковое стекло кабины. Мимо самолета с космической скоростью неслась однообразная грязно-серая пелена. Профессор отвернулся и усталым движением втянул голову в плечи.

Куда он летит? Зачем?..

...В тот день, когда в осажденном Берлине все живое металось в панике, когда эсэсовцы, торопливо топоча сапогами, бегали по его дому и начинали термитом лабораторию, а он сам безучастно сидел в своем кабинете, с ампулой цианистого калия в жилетном кармане, – в этот день за ним прилетел самолет.

Пилот передал письмо. В письме не было подписи. На самолете не было опознавательных знаков, – в воздухе его с одинаковой вероятностью могли расстрелять и немцы, и американцы, и русские. Однако это была ниточка спасения, и она вдруг вызвала у профессора Морге интерес к жизни.

Он сел в самолет.

Но ампулу с цианистым калием все же захватил с собой...

Его помощник доктор Шпиглер успел удрать еще до того, как русские подошли к Берлину. Профессор летел один. С собой он захватил только маленький чемоданчик из крокодиловой кожи.

Неподвижным, невидящим взглядом профессор смотрел прямо перед собой. Пытался думать. Пытался ответить себе... так чего же успел сделать в жизни он, профессор Морге – один из лучших микробиологов мира...

В юности он рос хилым, болезненным и некрасивым. Душевные качества не компенсировали физических недостатков – он был высокомерен, злопамятен и самолюбив. Товарищи его не любили. Женщины не обращали на него внимания. Он отвечал им тем же.

Отвращение к математике заставило его продолжать образование в медицинском институте.

Ему трудно было представить себя в роли врача, лечащего людей, избавляющего их от страданий. Да он и не собирался этого делать.

В то время, как ученые всего мира искали новые способы борьбы с болезнями, он просто изучал инфекционных микробов.

Со спокойным любопытством молодой врач занимался микробиологией. Он стал специалистом по выращиванию микроорганизмов в искусственных средах и, наконец, стал известным, когда вывел возбудителя тропической лихорадки.

На средства, оставленные отцом, он мог заниматься чем угодно. Он бросил работу в клинике, уединился в своем имении.

Он жил один. Где-то в частном пансионе Берлина воспитывалась его дочь – итог случайного недолголетнего брака. Он пересылал в пансион деньги и редко вспоминал о дочери.

Прошло несколько лет. Его имя забылось во врачебном мире.

Время шло. В стране менялись правительства. Менялась жизнь. Наступил голод. Начались перебои с электроэнергией, не горел газ. В лаборатории было холодно, не работали термостаты.

Маленький, взъерошенный, с отросшей бородой, профессор сидел у себя в холодной лаборатории, похожий в лохматом пальто на тарантула. Он никуда не выходил из дома, и за исключением его немногих слуг никто не помнил о нем.

Но вот в двери его лаборатории постучался рослый детина в коричневой форме. Он поднял руку, приветствуя профессора на древнеримский манер, и рявкнул: «Хайль Гитлер!» Затем коротко сообщил, что фюрер желает видеть профессора Морге завтра в восемь вечера.

Профессор вместо ответа сердито захлопнул дверь. Однако на завтра надел пиджак и отправился по оставленному адресу.

Вначале ему не понравился новоиспеченный фюрер. Но его предложение было интересным, – представлялся случай проверить культивации микробов на практике в таких масштабах, о которых профессор и не мечтал.

И он честолюбиво согласился.

Через полгода к его услугам была новая лаборатория. Все, чего добились человеческая мысль в области микробиологии, было в его распоряжении.

Но задача, поставленная фюрером, требовала ювелирной точности в ее решении. Любимцы профессора – микробы оказались грубым материалом. Профессор Морге перешел на вирусы.

Микробы обладали какой-то величиной – вирусы были невидимы даже в самый сильный микроскоп, условия оптической физики не позволяли их рассмотреть – настолько они были малы. Но существовавшие в природе вирусы не устраивали профессора. Они слишком медленно размножались, были слишком мягки в своих действиях. Ему требовался вирус, неотразимый и быстрый, как молния. Профессор занялся его поисками.

Потекли годы опытов, годы достижений и неудач.

Наконец, профессор нашел его. Даже не нашел, а вывел сам из вируса энцефалита – загадочной болезни, поражающей центральную нервную систему человека. Но выведенный вирус был еще слаб. Требовалась многократная культивация в специальных средах, чтобы превратить его в неотразимое оружие.

Фюрер терял терпение. Война с Советским Союзом затянулась.

В это время к профессору приехала его дочь. По примеру отца она окончила медицинский институт.

Фрейлейн Морге была властолюбива и умна. Она взяла на себя заведывание хозяйством лаборатории и освободила профессора от многих забот. Культивации вируса пошли успешнее.

Но военное счастье изменило фюреру. Немецкие войска отступили к границам Германии. Профессор Морге не вылезал из своей лаборатории. Он был на пороге удачи. Еще год... полгода. Профессор торопился...

Но русские оказались быстрее...

Самолет резко качнуло, и он начал падать.

Профессор Морге испуганно вцепился в спинку сиденья. Но падение тут же замедлилось, по спокойному поведению пилота профессор понял, что ничего особенного не произошло – самолет просто пошел на посадку.

Профессор поднял и положил на колени чемоданчик, маленький чемоданчик из крокодиловой кожи.

В чемоданчике находились три металлических футляра, выложенные внутри мягкой упругой пробкой. В каждом – небольшая ампула, наполненная прозрачной жидкостью, голубой и невинной, как весеннее небо... Это было все, что осталось от многолетней работы.

Все...

И тут профессор впервые вспомнил о дочери.

Она осталась там, в горящем Берлине. Он не видел ее перед отъездом; где-то на окраине города она сводила свои последние счета с русскими, которые убили у нее не то жениха, не то любовника, – профессор всегда плохо разбирался в ее делах.

Что там делает сейчас эта сумасшедшая девчонка?..

Последний выстрел

Северный пригород Берлина.

Разбитая улица. Тишина, лишь кое-где потрескивает, остывая, горелое железо.

Светловолосая женщина в дорогом спортивном костюме, измазанном кирпичной пылью и паутиной подвалов, с немецким автоматом в руках, оглядываясь и прячась за выступами фасада, вошла в дом с заднего крыльца.

Осторожно, словно боясь упасть, она прислонилась к дверному косяку. Закрыла глаза и стояла так несколько минут.

Потом оттолкнулась руками, покачиваясь, прошла в комнату. Опустила автомат прямо на пол, шагнула к кровати и упала ничком на подушки.

Она долго лежала, неподвижная, как труп. Когда за окном послышался приближающийся грохот гусениц танка, она вскочила, кинулась к автомату. Но танк прошел мимо, и она присела на кровать. Усталым потухшим взором оглядела комнату.

Толстый слой пыли, проникший через разбитые окна, покрывал все предметы: стол, трюмо, разбросанные туалетные принадлежности, которыми их хозяйка не пользовалась уже много дней. Над столом висела большая фотография: молодая светловолосая женщина в открытом бальном платье с легкой улыбкой на тонких четких губах.

Когда это она снималась?.. Всего год тому назад... Только один год? Неужели она могла так безмятежно улыбаться?

Губы ее искривились в усмешке, и осунувшееся лицо стало еще более острым и жестким.

Она поднялась с усилием, достала из шкафа в стене простую черную юбку и такой же жакет и начала переодеваться.

Потом подошла к трюмо, стерла с зеркала пыль, поправила волосы. Открыла ящик туалетного стола и достала черный офицерский пистолет. Попробовала засунуть его в кармашек жакета, но он не вошел. Взяв со стола сумочку, сунула пистолет в нее и, не оглядываясь, вышла.

По коридору она прошла в комнату, выложенную белым кафелем. На большом столе установлен микроскоп Цейса, на мраморных столиках – пробирки, термостаты, на вешалке у стола висел белый халат. Лицо у женщины напряглось, по горлу прокатилась нервная судорога. Она на секунду закрыла глаза. Потом прошла в угол к шкафу, открыла дверку.

На полках шкафа стояла фарфоровая и стеклянная лабораторная посуда. Внизу в глубине помещался черный ящичек с циферблатом и стрелкой. От ящика куда-то вниз уходили электрические провода.

Она повернула ключик в ящике. Послышалось тиканье часового механизма, по циферблату медленно поползла черная стрелка.

Внезапно с улицы через разбитые стекла донеслась русская речь.

Медленно, без стука, женщина закрыла дверку шкафа.

Выглянула в окно.

Не спуская пристального взора с улицы, она вынула из сумочки пистолет, удобно пристроила его на переплете окна, уверенным жестом перевела предохранитель, прицелилась и выстрелила.

На кафельный пол вылетел дымящийся патрон. Не успело заглухнуть короткое эхо выстрела, как женщина еще раз нажала собачку спуска. Курок сухо шелкнул... но выстрела не последовало. Она сунула пистолет в сумочку, быстро выбежала из комнаты, спустилась в садик с закопченными и измятыми кустами роз и через небольшую калитку вышла в пустой переулок.

Из-за кустов показался сгорбленный садовник в фартуке, с лейкой. Он посмотрел вслед уходящей, что-то глухо замычал и погрязил ей трясущейся рукой.

Два друга

По пустой разбитой улице пригорода шли два советских офицера: капитан и младший лейтенант.

Они шли, не торопясь, и со спокойным любопытством разглядывали улицу чужого города. Они слышали об этом городе когда-то на уроках географии и конечно в то время не думали, что десяток лет спустя им придется брать этот самый город тяжелым штурмом, который будет стоить жизни многим их товарищам.

Капитан был высокий, широкоплечий. На его крупном лице северянина виднелись следы копоты, вьёвшейся за последние дни напряженных боев. Поперек лба тянулась засохшая ссадина, которая придавала лицу суровое, даже мрачное выражение. Но серые глаза его смотрели спокойно и даже чуточку насмешливо. Руки привычно и удобно лежали на прикладе автомата, повешенного на шею.

По сравнению с рослым капитаном его спутник, младший лейтенант, казался совсем юношей. Автомат, заброшенный за спину, как-то даже не шел к его хрупкой фигурке, к его симпатичному, по-девичьи нежному лицу с темными мечтательными глазами. Поверх широкого ремня автомата перекрещивался тонкий ремешок, на котором висел фотоаппарат в кожаном потрепанном футляре.

Разглядывая улицу, вертя головой по сторонам, младший лейтенант не обращал внимания на развороченную мостовую. Часто оступался в ямы, запинался за кирпичи. И каждый раз капитан спокойным привычным движением поддерживал его за локоть. И по тому, как юноша также привычно, словно не замечая, подчинялся ему, можно было безошибочно заключить, что это идут два товарища, немало пошатавшиеся рядом по разбитым дорогам войны.

Капитана звали Яков Байдаров, младшего лейтенанта – Сергей Березкин.

Байдаров до войны работал в Сибири, корреспондентом молодежной газеты. В свободное время изучал иностранные языки и занимался спортом. На фронт он пошел добровольцем. Хорошая физическая подготовка помогла ему быстро освоить тяжелую солдатскую науку, а солдатское счастье сберегло от пуль и осколков: за все время войны он ни разу не был ранен.

В стрелковой части, где он служил, мало что знали о его прошлых литературных занятиях. Только после битвы на Волге, в отпуске, Байдаров написал первую фронтовую корреспонденцию для «Огонька». Корреспонденцию напечатали, ее прочитали в части, и через месяц он уже работал в редакции корпусной газеты. Там и познакомился с фотокорреспондентом Сергеем Березкиным.

Байдарову понравился фотокорреспондент, попавший на фронт прямо со школьной скамьи.

Березкин вздрагивал каждый раз, когда за сотню метров от него рвалась мелкая мина, но тем не менее целые дни проводил на передовой в поисках хорошего боевого кадра. И, нужно сказать, всегда его находил.

У сильных натур есть врожденная потребность кого-нибудь опекать, о ком-нибудь заботиться. Байдаров взял на себя роль наставника неопытного юноши. Он делал это с добродушным юмором, и Березкин с благодарностью принимал его помощь.

– Мне все еще не верится, Яша, – сказал Березкин, – неужели война в самом деле закончилась?

– Да, к сожалению, закончилась.

– Это почему же «к сожалению»?

– А мне показалось, что тебе еще хочется повоевать.

Березкин улыбнулся, и лицо его стало еще более юным. Он заложил пальцы за ремешок фотоаппарата и продолжал мечтательно:

– На самом деле, как будет чудесно: мы с тобой скоро сдадим на склад автоматы и поедем в Москву. Ты только представь себе: вот мы высадились на Белорусском вокзале. Мы не поедем ни на трамвае, ни в такси, мы пойдем пешком мимо высоких домов с целыми стеклами, мимо нас будут проходить мужчины в красивых костюмах, без погон, женщины в цветных шелковых платьях. Мы пройдем по Красной площади, мимо Кремля, мимо Мавзолея... Наконец, мы на улице Правды, в редакции «Огонька», заходим прямо к главному редактору, и он нам скажет...

– «Получите гонорар!»

– Гонорар?.. Почему гонорар?

– Гонорар, который нам не прислали за наш фотоочерк «На подступах к Берлину».

– Ах, да, я и забыл...

Березкин вдруг остановился, озабоченно поморгал глазами и стал что-то искать в карманах.

– Письмо... – сказал он встревожено, – я же письмо получил. «Байдарову и Березкину». Из «Огонька»... Где же оно?

Не найдя ничего в карманах брюк, Березкин засунул пальцы в карманы гимнастерки.

– Я его даже не распечатал, – продолжал он, – чтобы вместе с тобой прочитать... Ну конечно, – и он безнадежно опустил руки. – Я его потерял.

– Правильно, Сережа. А я его нашел, – и Байдаров показал сложенный вдвое конверт. – Ты его еще на почте мимо кармана положил.

– Ну вот, – упрекнул Березкин, – человек нервничает, волнуется, а ты молчишь.

– С педагогической целью: чтобы в другой раз не терял.

Березкин, распечатывая конверт, совсем перестал обращать внимание на дорогу.

Байдаров взял его под руку и свел с тротуара на середину улицы, где было меньше опасности налететь на разбитый подъезд или провалиться в подвальное окно.

– Ты только подумай, Яша, что нам пишут, – заговорил быстро Березкин, тыча пальцем в письмо, – «...мы находим ваш очерк очень удачным...», ты слышишь?... «...очень удачным... Особенно хороши...» – Березкин запнулся, – ну, дальше неинтересно.

– А ну-ка, дай я взгляну, – Байдаров вытащил из рук Березкина письмо и просмотрел его. – Так... «и особенно хороши в нем фотографии». Вот это правильно. Да иначе они и написать не могли; я помню, когда ты пришел с передовой, где сделал эти снимки, то в твоей шинели дырок было больше, чем заснятых кадров в твоём ФЭДе.

Березкин сунул письмо в карман и постарался переменить разговор.

– А все-таки как хорошо, Яша. Вот идем мы по улице, и никто в нас не стреляет, и нам не нужно стрелять. Не нужно прятаться и думать, что с тобой каждую секунду что-то может случиться.

– Ну, положим, случиться еще всякое может, – заметил Байдаров, легонько отодвигая товарища от воронки, вырытой взрывом крупного снаряда, – особенно с тобой. Когда ты научишься глядеть себе под ноги?

– Но я же смотрю.

– Ты смотришь на крыши.

– А ты взгляни сам, какой интересный таинственный дом.

Слева, на углу улицы, отдельно от всех строений, стоял небольшой мрачный особняк, с узкими стрельчатыми окнами и такой же дверью.

– Это типичный готический стиль, – продолжал Березкин, – видишь, двери какие. А окна узенькие-узенькие. Такое впечатление, будто кто за ними прячется.

– А может и прячется, – заметил Байдаров, с неодобрением посмотрев на окна, узкие, как бойницы. – На всякий случай, отойдем подальше.

Березкин послушно шагнул в сторону. В ту же секунду из узкого окна особняка сухо щелкнул пистолетный выстрел. С Березкина слетела пилотка, он охнул и медленно повалился на бок.

Первая встреча

Байдаров подхватил товарища на руки и закрыл его своей широкой спиной. Но второго выстрела не последовало, за стеклами углового окна что-то мелькнуло и исчезло.

Байдаров положил голову Березкина себе на колени.

– Сережа, – позвал он тихо, как будто тот спал и жалко было разбудить его, – Сережа!

Глаза Березкина были закрыты. Тонкая струйка крови сбегала по щеке, и Байдаров с холодеющим сердцем несколько секунд смотрел на эту ярко-красную полоску. Потом медленно отодвинул в сторону нависающую прядь волос с побледневшего лица юноши... и тут же облегченно вздохнул. Над виском виднелась неглубокая рваная ссадина – Березкин был только контужен пулей, скользнувшей по голове.

Опустив товарища на плиту вывороченного асфальта, Байдаров вскочил на ноги. Оглядевшись, он окрикнул проходивших мимо солдат, показал им на раненого, а сам, не теряя времени, кинулся к особняку.

Тяжелые стрельчатые двери с резными филенками были закрыты. Несколько раз ударив в них сапогом, Байдаров подскочил к окну. Однако стена и подоконник были гладкие, ухватиться было не за что. Тогда он вернулся к дверям, выхватив из сумки гранату, сунул ее в дверную ручку и, сдернув кольцо, быстро стал за выступ подъезда.

Взрывом сильно рвануло воздух, мимо Байдарова пронеслось облачко дыма, посыпались осколки филенок.

Ударом сапога он вышиб остатки дверей и кинулся по лестнице в глубь дома.

Он пробежал коридор, комнату, запутался в складках тяжелой портьеры и оторвал ее вместе с кусками штукатурки, которые посыпались ему на голову.

Никого не обнаружив в пустых комнатах, Байдаров выскочил в коридор и внезапно очутился на крыльце, которое выходило в садик за домом. От крыльца шли дорожки, посыпанные песком. За кустами роз он увидел сгорбленную человеческую фигуру.

Байдаров сбежал по лестнице.

– Стой! – крикнул он, вскидывая автомат.

Человек за кустами медленно выпрямился, повернулся и выронил из рук лейку. Вода брызнула на белый передник.

«Садовник, – удивился Байдаров. – Но кто в эти дни может заниматься садоводством?»

Не снимая пальца со спуска автомата, он подошел ближе. Пригляделся.

– Черт возьми! – сказал он.

Перед ним стоял Артюхов, сержант-разведчик, которого Байдаров не раз видел в штабе полка. В конце прошлого года сержант не вернулся из разведки, его считали погибшим.

«Но как он попал сюда? И что это с ним?»

Лицо Артюхова было синеватым, отечным. Глаза смотрели бессмысленно, рот перекашивался в жуткой судорожной гримасе.

– Артюхов! – громко позвал Байдаров.

Бывший сержант опустил руки по швам. Он даже сделал неуверенное движение, как будто хотел выпрямиться и стать, как и положено стоять перед командиром. Но тут же забормотал что-то гневное, схватил Байдарова за рукав и потащил куда-то сквозь колючие кусты.

Удивляться было некогда. Следуя за ним, Байдаров увидел в ограде полуоткрытую калитку. Артюхов мычал, показывая в сторону улицы трясущимися пальцами. Байдаров проскочил в калитку и очутился в узком пустом переулке. Направо, в конце следующего квартала уже стояли наши танки. Он побежал налево, завернул за угол и чуть не налетел на женщину, которая не то стояла за углом, не то шла ему навстречу. Она посторонилась, но он на бегу задел ее прикладом автомата и вышиб из рук сумочку.

Байдаров остановился. Одета в простой темный костюм, женщина была молода и красива. В ее глазах он не заметил ни тени испуга или волнения. Она спокойно посмотрела на него, потом перевела взгляд на сумочку, валявшуюся у его ног. Извинившись, Байдаров поднял сумочку, мимолетно про себя удивившись ее тяжести, и подал ее женщине.

– Данке, – коротко поблагодарила она и неторопливо прошла мимо.

Байдаров добежал до следующего угла, но и там не увидел ничего подозрительного. Бесцельно было продолжать поиски на улице. Бедняга Артюхов мог ошибиться; да и кто знает, что он подразумевал, показывая на калитку.

Возвращаясь, Байдаров еще раз взглянул вслед удаляющейся женщине. Если бы она оглянулась, заторопилась, то, возможно, он бы остановил ее. Но она шла не оборачиваясь, чуть помахивая сумочкой, и ничто в ее поведении не давало ему повода заподозрить ее в убийстве из-за угла.

Он вернулся к калитке, где его ждал Артюхов, но, не задерживаясь с ним, пробежал в дом. Артюхов, ковыляя, заторопился за ним.

Толкнув ногой первую попавшуюся дверь, Байдаров попал в спальню. Над туалетным столом висела большая фотография. Он шагнул ближе и тотчас узнал на фотографии ту самую женщину.

«Болван! Сумочка потому и была тяжела, что в ней лежал пистолет!»

Байдаров помчался обратно.

Но в спешке он заблудился в коридоре и вместо выхода в садик влетел в комнату, выложенную белым кафелем. На полу валялся небольшой латунный цилиндрок, и как Байдаров ни торопился, он все же обратил на него внимание.

Он поднял с полу гильзу револьверного патрона и с мстительным удовольствием подумал, что женщина никуда от него не уйдет, ей негде будет спрятаться на пустой разбитой улице.

Сейчас он ее догонит...

За его спиной послышался резкий хлопок, и по комнате, отрезая путь к выходу, пронеслась широкая дымная струя огня. Еще хлопок, более громкий, и прямо под ноги хлынула нестерпимо жаркая огненная волна.

Байдаров отскочил в угол за столик, на котором стоял черный микроскоп. Пламя быстро разливалось по комнате, поднимаясь до потолка бледно-розовой стеной. Байдаров закрыл ладонью слезящиеся от дыма глаза. О выходе через дверь нечего было и думать, он схватил со столика тяжелый микроскоп, с силой швырнул его в оконный переплет и, замотав голову попавшимся под руку белым халатом, через пламя бросился в окно.

Загадочная находка

– Ну вот, а ты говорил, что с нами уже ничего не случится.

Березкин, с забинтованной головой, полулежал на кровати, опираясь локтем о подушку. У Байдарова забинтованы левая рука и плечо, прыгнув из окна, он сильно разбил ключицу и колено.

– И подумать только, – продолжал сокрушаться он, – конец войны, праздник, – а тут, на вот тебе, лежи, как бревно.

Березкин закрыл глаза и поморщился. В голове стоял шум, как будто к ней протянули телефонные провода. В висках усиливалась тупая боль.

– Что? – посмотрел на него Байдаров. – Болит? А ты бы лег?

– Ничего, – тихо произнес Березкин. – Лежать еще хуже.

– Да, – задумчиво произнес Байдаров. – Неплохо стреляет эта особа. Но я-то хорош...

В палату быстро и бесшумно, как мяч, вкатилась пухлая краснощекая сестра.

– Байдаров, – сказала она певучим голосом, – на рентген.

Вернулся Байдаров в хорошем настроении.

– Доктор сказал, – ничего страшного. У вас, говорит, кости не иначе, как из оружейной стали сделаны. Со второго этажа на мостовую хлопнулись и ничего как следует сломать не смогли. – Он достал из кармана халата плитку шоколада и положил Березкину на одеяло. – В буфет заходил, думал по случаю окончания войны там что-нибудь покрепче лимонада имеется. Ничего нет.

Байдаров сбросил халат и улегся на свою койку.

– Я доктору про Артюхова рассказал, – промолвил он.

– Ну и что?

– Я спрашиваю, отчего бы это человек ни с того ни с сего вдруг полусумасшедшим сделался. Ну, доктор говорит, всякое бывает в жизни. Может, например, от контузии. А я ему про лабораторию рассказал. Задумался доктор. Так, говорит, сразу ничего не скажешь. Надо бы Артюхова посмотреть.

– А его нет, – вставил Березкин.

– Вот то-то и оно, что нет. Интересно, что там разыскал особый отдел. Да вот он легок на помине.

В палату, балансируя руками, на цыпочках вошел молодой военный в белом нескладно застегнутом халате.

– Вот, Сережа, познакомься, – сказал Байдаров. – Шерлок Холмс из особого отдела. В вещевой ведомости числится как лейтенант Григорьев.

Григорьев добродушно улыбнулся. Осторожно ступая, подошел к Березкину и бережно пожал ему руку.

– Как дела? Лежите?

– Сразу видно контрразведчика, – заметил Байдаров, – моментально догадался, что делаем. Ты лучше скажи, почему на цыпочках ходишь?

– Да вот, – и Григорьев с досадой показал на свои новые блестящие сапоги, – черт возьми, сделали со скрипом. Да с каким – шагнуть нельзя.

Он ступил на подошву, и сапог скрипнул так звонко, что Григорьев испуганно оглянулся на дверь. Березкин рассмеялся, но тут же закрыл глаза от боли и опустил на подушку.

– Смех смехом, а у меня с этими сапогами сплошные неприятности. Полковник Сазонов говорит: «Я вас за такие сапоги из отдела отчислю. Что это за контрразведчик, которого за километр слышно». К вам только в коридор вошел, смотрю, сестра бежит, врач из кабинета выскочил – полная боевая тревога. Снимайте, говорят, сапоги: у нас тут тяжелобольные

лежат... Тапочки дают. А куда же я в тапочках, сам посуди. Кое-как упросил, пропустили и в сапогах. Жалко бросать – сапоги уж больно хорошие.

– Сапоги хорошие, – согласился Байдаров. – Только белый халат тебе не идет. Все равно что рясу надел.

– Знаю, – шутливо вздохнул Григорьев. – Я, может быть, потому и медицинский институт бросил.

– Скажи-ка. Вот бы не подумал, что ты мог в медицинском учиться.

– На третьем курсе был.

– Выгнали?

– Нет, сам ушел.

– Это почему же?

– Да так, знаешь... Любовь к приключениям.

– Вот как. А какие у тебя новости, любитель приключений? Женщину не нашли?

– Не нашли.

– И Артюхова не нашли?

– И Артюхова не нашли. Он, наверное, за тобой следом в дом вошел и погиб.

– Жалко.

– Конечно, жалко. От дома ничего не осталось, весь сгорел. Видно, здорово его термитом начинили. Микроскоп разбитый подобрали, который ты в окошко выбросил. Его полковник с собой забрал.

За окном темнело, вечерние сумерки незаметно заполняли комнату.

– Интересно, – промолвил Байдаров и, взглянув в сторону задремавшего Березкина, снизил голос до полусшепота, – чем занимались в этой окаянной лаборатории? Зачем понадобилось ее спалить?

Они посидели в молчаливом раздумье еще несколько минут.

Григорьев посмотрел на часы и встал.

– Подожди, – остановил его Байдаров. – Письмо у меня есть на родину. Захвати, сдай на почту. – Он вытащил из полевой сумки письмо и вместе с ним небольшую книжечку в темно-зеленой обложке.

– Это что? – он повертел в руках книжечку и прочитал на обложке: «Проф. Русаков. ВИТАМИНЫ». – Откуда она у меня? Насколько помню, я никогда особенно не интересовался витаминами.

Из книжки на одеяло выпал листок бумаги. Байдаров развернул его и удивился еще больше.

– Что там такое? – заинтересовался Григорьев. Он заглянул в листок и в свою очередь озадаченно уставился на Байдарова. – Черт возьми! Это же штамп имперской канцелярии. Канцелярии Гитлера.

И он прочитал вслух написанное по-немецки: «Профессору Морге. Посылаем Вам все, что удалось достать о работах профессора Русакова. Ждем результатов Ваших экспериментов». Посмотрев на подпись, Григорьев тихо свистнул.

– Но как это все к тебе попало?

– Догадываюсь. Это из халата. Там халат висел в лаборатории – я им себе голову завернул, когда в окно прыгал. Книжка из халата выпала, а ребята, когда меня подняли, думали, что моя...

– И сунули тебе в сумку. Понятно. Давай-ка это все, я сейчас же полковнику покажу.

Забрав письмо и книжечку, Григорьев, забыв о скрипе сапог, поспешно выбрался из палаты.

Байдоров откинулся на подушку и попытался связать воедино разорванную цепь фактов и событий, участником которых он невольно сделался. Но в цепи не хватало основных связывающих звеньев, он пытался их придумать сам, но все они казались ему неправдоподобными.

В палате стало совсем темно. Березкин спал. Изредка он тихонько стонал во сне, и тогда Байдоров, прерывая свои размышления, озабоченно поглядывал в его сторону.

Новое предложение

Рабочий кабинет господина Эксона обставлен скромно: темные обои, черный письменный стол, жесткие кожаные кресла – сидеть в них неудобно, но у господина Эксона не засиживаются, он не любит лишних разговоров. Дело – есть дело.

На стене большие часы. Их маятник, покачиваясь, равномерным постукиванием как бы напоминает забывшемуся посетителю, что время – деньги.

На письменном столе – строгий порядок. Чернильный прибор из мрамора с золотыми прожилками. Налево – стопка бумаг, направо – четыре телефона, пепельница. Посредине – раскрытый блокнот. Перо поперек блокнота. И все. Стол преуспевающего делового человека, ничего лишнего. Дело – есть дело.

Пачка бумаг придавлена вместо пресса бронзовой статуэткой, изображающей нагого человека с низким лбом и тяжелой, выдающейся вперед звериной челюстью. Человек сидит на корточках и старательно обстругивает кремневым ножом корявую, узловатую дубину – жалкое оружие далекого прошлого.

Пока господин Эксон раскуривал сигару, доктор Шпиглер, сидевший в кресле, внимательно разглядывал бронзовую статуэтку. Вначале она показалась ему не нужной на столе, но потом он нашел, что она вполне на месте и даже как-то символично характеризует хозяина стола – и тот и другой делают оружие.

Сигара не понравилась господину Эксону, он бросил ее в пепельницу и взял другую.

– Как самочувствие профессора? – спросил он.

– Пока неважное. За эти два дня он не сказал и десяти слов. В его возрасте трудно переносятся такие переживания.

– Вы говорили ему, что я интересуюсь его работой?

– Да. Но он не обратил на мои слова ни малейшего внимания. Старик находится в состоянии протрации.

– Что ж, подождем.

– Кроме того, профессор упрям.

– С ним будет трудно договориться?

– Кто его знает, господин Эксон. Может быть, его стоит припугнуть.

– Припугнуть? Чем же?

– В его лаборатории опыты с вирусом производились на людях. Сказать ему, что это может явиться судебным материалом для международной комиссии по военным преступлениям.

– Есть документы? Доказательства?

– Документов нет. Все сгорело. Но документы, в конце концов, можно подготовить.

Господин Эксон сквозь дым сигары оценивающе посмотрел на Шпиглера.

– Вы правы, – сказал он с расстановкой, – документы можно будет подготовить. Но профессор в таком состоянии, что может оказаться и к этому безразличным. Прежде чем его припугнуть, нужно, чтобы он поправился. Создайте ему все условия, пусть он ни в чем не испытывает недостатка, пусть он вновь приобретет вкус к жизни. Деньги у вас еще есть?..

Вот уже неделя, как профессор Морге живет в городе, куда его доставил неизвестный самолет.

На аэродроме его встретил доктор Шпиглер. Профессор не особенно этому удивился. Он так и думал, что кто-то, а его помощник сумеет выйти сухим из воды. Вероятно, он в свое время приторговывал секретами его лаборатории. Жулик и прохвост! Как жаль, что он, Морге, не разобрался в этом человеке раньше...

Сейчас доктор Шпиглер заботится о профессоре, как о родном отце. Он устроил его в хорошей гостинице, обеспечил его всем, что может тому потребоваться: изысканным столом, одеждой, книгами, автомашиной для прогулок.

Каждый день он, почти насильно, вывозил профессора за город на озеро.

Профессор угрюмо и молча подчинялся. Отказываться от назойливого доктора было труднее, чем согласиться. Однако постепенно он привык к ежедневным поездкам. Ему уже нравилось сидеть на старых замшелых скалах, нависающих над озером. Профессор смотрел в блестящую под солнцем прозрачную глубину озера, и ему казалось, что он глядит через окуляр громадного микроскопа на какую-то светло-голубую среду, где, как неведомые микробы, плавают толстые рыбы с выпуклыми глупыми глазами.

Он старался не думать о прошлом и не заботился о будущем.

К вечеру за ним приезжал доктор Шпиглер и вез в ресторан ужинать.

Профессор догадывался, что доктор Шпиглер уже успел где-то спекулировать его именем; в первый же день за завтраком доктор намекнул на какое-то частное лицо, очень интересующееся их незаконченной работой. Но профессор тогда не стал даже и слушать. Он устал и хочет только одного – покоя. Но вскоре он понял, что у него неостанет силы сопротивляться, а доктор Шпиглер постарается «пристроить» его и, конечно, не без выгоды для себя.

Профессор думал, что, пожалуй, было бы не худо сунуть Шпиглеру в стакан с вином ампулу с цианистым калием, которую он захватил из Берлина.

Однажды вечером, закрывшись в номере, он вытащил из кармана крохотный стеклянный цилиндр. Достаточно взять его в рот, стиснуть зубами, и можно навсегда избавиться от той горечи и той страшной усталости, которые давят нестерпимо на старые плечи. Но он тут же почувствовал, что не сможет этого сделать – ниточка, протянувшаяся к нему в Берлине, оказалась крепче, чем он мог предполагать.

«Упрямая штука – жизнь!» – горько усмехнулся профессор и сунул ампулу в жилетный карман...

В конце следующей недели доктор Шпиглер привез его к господину Эксону...

– Садитесь, пожалуйста, профессор. Прошу извинить, что заставил вас ждать. Если бы вы только знали, сколько у нас сейчас дел с вашей несчастной Германией.

Свет от настольной лампы падал на лицо профессора Морге. Он недовольно нахмурился, хотел отодвинуться, но не мог сдвинуть с места тяжелое кресло.

– Вас беспокоит свет?

– Да, – отрывисто бросил профессор.

– Простите, пожалуйста.

Теперь свет от лампы только на столе. Лицо сидящего за столом показалось профессору знакомым. Доктор Шпиглер невнятно назвал фамилию господина, – профессор постарался вспомнить, когда, в какой газете или журнале он видел это лицо с тяжелой челюстью, и не смог. А впрочем, все равно...

– Дорогой профессор, – услышал он задушевный, ласковый голос, – прошу вас поверить, я всегда был истинным поклонником великой немецкой нации. Я глубоко тронут несчастьем, постигшим вашу родину, а в том числе и вас, профессор. Я узнал совершенно случайно, что вы вели в Германии интересную работу. К сожалению, вам как будто бы не удалось ее закончить?

Человек за столом доверительно наклонился вперед и сделал вопросительную паузу...

Профессор Морге со злостью поджал тонкие бесцветные губы.

Так и есть! Прохвост Шпиглер все-таки продал его этому дельцу. Но пусть они не думают, что им удастся заставить его работать. К черту!..

– Меня заинтересовало то немногое, что я сумел узнать о вашей работе, – так же мягко и доверительно, как бы не замечая молчания профессора, продолжал сидящий за столом. – Не смогли бы вы рассказать мне о ней более подробно? Поделиться вашими планами?..

С угрюмым упрямством профессор разглядывал плавно покачивающийся из стороны в сторону круглый латунный маятник стенных часов. Медленно, но с непоколебимой уверенностью ползла по бело-матовому циферблату черная стрелка. Прошла еще одна минута упорного молчания.

Человек за столом откинулся на спинку кресла, положил ногу на ногу и закурил сигару. Выпятив вперед нижнюю губу, он выстрелил клубком голубого табачного дыма.

– Прошу извинить мое любопытство, я хочу помочь вам, профессор. Но, к сожалению, я очень мало знаю о вашей работе. Скажем, не более того, что может заинтересовать комиссию по расследованию военных преступлений.

«Ну и пусть!» – упрямо подумал Морге.

И тут же, как и тогда в номере, когда он сидел с ампулой в руках, он почувствовал, что ему очень трудно, невозможно отказаться от того, пусть крохотного, кусочка жизни, который он сейчас имел. Он тяжело вздохнул и закрыл глаза.

– Я не понимаю вас, профессор, – опять услышал он, – неужели вы плохой патриот? В ваших руках меч, которым вы сможете отомстить за унижение Германии, за оскорбление великой арийской нации, призванной управлять миром. Кончайте вашу работу – я помогу вам. Докажите миру, что вы, немецкий профессор Морге, изобрели самое могущественное в мире оружие...

Доктор Шпиглер ожидал профессора в приемной господина Эксона.

Приемная обставлена так же просто, как и кабинет. Ни ковров на полу, ни картин в золоченых рамках по стенам. Такой же темный паркет, дорогие обои со скромным узором, такие же жесткие кресла с тугими сиденьями.

В углу, за небольшим письменным столом работала секретарь господина Эксона мисс Фруди, как называл он ее на американский манер. Это была некрасивая особа с большим лиловым носом. Господин Эксон, в отличие от многих других промышленных заправил, не держал у себя хорошеньких машинисток и секретарей. Дело – есть дело!

Мисс Фруди бойко отстукивала на машинке какое-то письмо и, передвигая каретку, неодобрительно поглядывала на развалившегося в кресле доктора Шпиглера. Она привыкла к тому, что посетители ее шефа вели себя в его приемной скромно. Вот, например, в кресле в углу ожидает приема пожилой господин, очевидно бывший военный. На лице у посетителя заметны следы тревоги и неуверенности в своем будущем. Фамилия его фон Штрипс, – кажется, шеф обещал ему место начальника полиции в городе Зиттине. По фамилии видно, что этот господин из бывших немецких графов или баронов, он умеет себя вести в присутствии дамы. Мисс Фруди уже второй раз ныряла в сумочку, закрывшись зеркальцем, пудрила свой внушительный нос и украдкой поглядывала в угол на посетителя.

Культурный человек! Не чета доктору Шпиглеру, который бывает здесь каждый день и всегда ведет себя, как в пивной. Вот сейчас развалился в кресле и в ее присутствии чистит себе ногти. Хам!

Доктор Шпиглер подровнял пилочкой все десять ногтей, прочел газету, а разговор в кабинете все еще продолжался.

«Неужели господину Эксону не удастся уломать упрямого старикашку?..»

– Я... согласен, – сказал наконец профессор и поднялся с кресла.

– Вот и прекрасно. Ваши условия?

Профессор сделал брезгливую гримасу, и господин Эксон тут же спохватился.

– Я говорю, разумеется, не о деньгах.

– Лаборатория. Первоклассная лаборатория.

– Лаборатория будет.

– Сотрудники.

– Подберите штат по вашему собственному усмотрению. Ваш прежний помощник будет, вероятно, вам полезен?

– Доктор Шпиглер? – глаза профессора прищурились. – Ну что ж, не возражаю.

– Еще что? – господин Эксон делал быстрые пометки в своем блокноте.

– Подопытные. Люди для опытов.

– Люди?.. Гм... Теперь это труднее сделать, вы сами понимаете... Гм. Что ж здесь придумать?..

– У меня в Берлине осталась дочь... – сказал профессор.

– Дочь?.. Так, так. Бедная девушка... Я понимаю вас, я сам отец. Но...

– Я не об этом, – нахмурился профессор. – Моя дочь заведовала хозяйственными делами лаборатории. Она умеет решать трудные задачи. Постарайтесь ее разыскать.

– Ах, вот что. Очень хорошо. Я сегодня же дам задание... Итак, вашу руку, профессор Морге.

Господин Эксон протянул через стол свою большую гладкую руку с цепкими волосатыми пальцами, руку преуспевающего дельца, и профессор вложил в его руку свою, нервную сухую руку ученого...

Прошел год...

Береговую полосу города Зиттина занимают товарные пристани, доки, судовые мастерские.

Море мелькает далеко на горизонте голубой лазурной полоской. У берега светлая морская вода покрыта поблескивающими пятнами грязного отработанного масла.

Портовый Пригород начинался сразу же за служебными постройками. Там стояли почерневшие от дыма и времени двух- и трехэтажные дома, полуразрушенные хибарки, между которыми извивались грязные мощеные улицы и еще более грязные и еще более узкие переулки.

В Портовом Пригороде жила рабочая беднота, грузчики, рабочие без квалификации, безработные матросы, а также жулики и бандиты всех специальностей и мастей. Народ этот был отчаянный, жил своими законами, и ценность человеческой жизни зависела от многих случайностей.

Часто, когда отлив уносил в море мусор и пятна смазочного масла, когда обнажались бетонные устои береговых построек, на илистом дне обнаруживался труп с обломком горелого колосника, засунутого за пояс штанов. Это никого не удивляло, и никто не торопился сообщать о таком событии в полицию. Чтобы позвонить в полицейское управление, нужно было идти к автомату и спустить в него никелевую монету, а такую роскошь мало кто мог позволить себе. Поэтому мертвеца чаще всего просто отталкивали багром подальше в море, там его доедали крабы или волны выбрасывали где-нибудь в другом месте.

По вечерам здесь не было ни оживленной людской толпы, ни ярких рекламных витрин, ни лакированного потока автомобилей. Одинокое прохожие осторожно брели по темным пустым улицам. Даже лихие шоферы легковых такси избегали ночью ездить по улицам Пригорода. Здесь легко можно было поломать рессору, провалившись в плохо закрытый люк канализации, а то и получить из-за угла булыжник в ветровое стекло, – так, ни за что ни про что: отчаянный народ жил в Пригороде.

Главная улица Зиттина бульваром пересекала город и Портовый Пригород.

Но, подходя к Пригороду, щеголеватый асфальт бульвара как бы останавливался, боясь запачкать свою чистую поверхность грязью портовых переулков. Дальше улицу продолжала изрытая булыжная мостовая.

Здесь, на стыке асфальта с булыжной мостовой, стояло небольшое здание с квадратными окнами. Над окнами укреплены стеклянные буквы. Плохо заметные днем, сейчас, в окружающей темноте, они светились мягким розоватым светом, и можно было прочесть: «Рабочее кафе». Ниже, на оконных стеклах белилами написано: «Всегда свежее пиво!»

Длинная белая машина с потушенными фонарями тихо проскользнула под окнами кафе. Прошелестев шинами по булыжнику мостовой, она круто развернулась и остановилась на противоположной стороне улицы, у темной неосвещенной стены какого-то склада.

Тихое ворчание мотора замолкло. Из машины никто не вышел. Только с той стороны, с которой было видно крыльцо «Рабочего кафе», шевельнулась и слегка приподнялась шторка, закрывающая стекло кабины.

Откуда-то из темноты Пригорода, в полосе света, падающего из окон кафе, появилась растрепанная мужская фигура. Она остановилась у крыльца и несколько раз качнулась из стороны в сторону.

Мужчина был пьян, однако не настолько, чтобы не хотеть выпить еще чего-нибудь. Ноги его плохо слушались, но глаза еще могли прочесть надпись на окнах кафе.

Качнувшись несколько раз, он, наконец, сдвинулся с места, поднялся на низкое крыльцо и толкнул плечом дверь.

Обстановка кафе была проста: крашенные стены, серый цементный пол, столики, покрытые пластмассовыми клеенками. Справа, почти рядом с дверью – высокая оцинкованная стойка. За стойкой – стеклянный шкаф с бутылками и холодными закусками.

Между шкафом и прилавком поместился буфетчик – толстый, как все буфетчики, с красным лицом, заросшим бурой щетиной. Некоторое своеобразие его облику придавала черная эбонитовая крышечка на левом ухе – усилитель звука для глухих. От чашечки вниз к карману, где полагалось лежать батарееке усилителя, спускался плетеный электрошнур.

Сунув руку в карман и перебирая толстыми пальцами концы шнура, буфетчик стоял, облокотившись на стойку.

За угловым столиком сидело четверо мужчин, судя по костюмам, – рабочие завода судовых дизелей.

Перед ними лежала газета, маленькая, напечатанная на оберточной бумаге неровным сбитым шрифтом. Рабочий в синем комбинезоне электрика читал вслух, понизив голос. Вероятно, он уже не раз читал эту статью, последние строчки он произнес на память, глядя не в газету, а на своих молчаливых слушателей.

– «...Нашим хозяевам невыгодна мирная политика. Ничто не дает им столько денег, как военные заказы. Помни, дело будущего мира в твоих руках!»

Он сложил газетку и сунул ее во внутренний карман, под комбинезон.

– Послушай, Марти, – обратился к нему один из слушателей, – но при чем тут мы? Ведь наш завод не работает на войну.

– Ты в этом уверен? – спросил Марти. Он наклонился вперед над столом с видом человека, который собирается сказать что-то секретное. Головы рабочих с готовностью приблизились к нему. Однако Марти оглянулся на буфетчика и выпрямился. – Признаться, я никогда не видел у буфетчиков приличных рож, – заметил он. – Но физиономия этого мне особенно не нравится.

– Так он же глухой, как пень! – сказал кто-то.

– Кто его знает, – продолжал Марти. – Помните, как у нас сорвалась стачка в прошлом году. Я до сих пор не могу понять, как полиция могла о ней прониюхать. Пожалуй, друзья, нам лучше поговорить на улице.

В это время открылась входная дверь. На пороге появился мужчина в мятом костюме, галстуке, висевшем поверх пиджака. Ухватившись за дверной косяк, он прищурился от яркого электрического света.

– А, Марти! – закричал он, увидев рабочего в синем комбинезоне. – Здравствуй, Марти!

Он улыбнулся, сверкая стальными зубами, и с подчеркнутой, обычной у пьяных, осторожностью попытался пройти между столиками.

– Это Тим Баркет, из конструкторского отдела завода, – сказал Марти, – но сегодня он пьян, кажется, более, чем обычно.

Тим Баркет, по очереди натыкаясь на все стулья, наконец добрался до их угла.

– Ты опять напился, Тим! – сказал укоризненно Марти.

– Да, опять, – задорно согласился Тим Баркет, валясь на первый попавшийся стул. Его язык хотя и заплетался, но все же слушался лучше, чем ноги. – Хорошее слово «опять». Опять – это значит повторение, а по... повторить может только тот, у кого есть деньги. У нас теперь у всех есть деньги. Господин Эксон дает нам заработать. Не правда ли, ребята? Не косись на меня, Марти. Могу я поговорить в хорошей компании... Что вы тут притаились? Ага, догадываюсь, вы читали газету. Сегодняшнюю статью. Я тоже... тоже читал. Очень интересная статья... очень. Так что вы думаете делать?

– Ты бы шел домой, Тим!

– Подожди, Марти, – отмахнулся Тим Баркет. – О чем я говорил? Да, о статье. Очень умная статья, она заставила меня задуматься. А когда я задумываюсь, я всегда... всегда напи-

ваюсь. И вы думаете, почему? Послушайте-ка, ребята. Я был на войне, у меня не хватает половины зубов, – он ткнул пальцем в плохо зашитый шрам на подбородке, – но зато во мне осколков сидит больше, чем в нынешней колбасе шпику. И вот я думаю, может быть, на том танке, который угостил меня снарядом, стоял мотор, сделанный вашими руками. А?.. Может быть! – ответил он за всех утвердительно. – Так как же так? Вот мы с вами... мы с вами сейчас тоже делаем моторы. И с нашей помощью кому-нибудь опять будут выбивать зубы?..

– Мы сейчас делаем не военные моторы, – сказал старый рабочий. – Дизеля идут для китобойных судов.

– Ха! – едко улыбнулся Тим Баркет. – Это вам директор сказал, и вы поверили?.. Я-то знаю, куда идут наши моторы, – добавил он угрюмо.

– Хватит тебе болтать, Тим, – строго перебил его Марти, оглядываясь на буфетчика. – Ничего ты не знаешь.

– Знаю! – с пьяной запальчивостью вдруг крикнул Баркет. – Дурачки! Наши дизеля идут на подводные лодки...

– Тише ты! – прошипел Марти и сильно толкнул его в плечо. – Ребята, нужно отвести его домой.

– Меня отвести? – возмутился Баркет. Он поднялся на ноги и отстранил в сторону рабочего, который хотел ему помочь. – Меня еще никто... никто не водил домой... Я сам. До свидания, Марти. До свидания, друзья...

Выйдя из дверей кафе, Тим Баркет довольно удачно спустился со ступенек крыльца и некоторое время стоял на месте, покачиваясь и переступая с ноги на ногу. Потом он решительно заложил руки в карманы и, повернувшись, побрел в сторону Пригорода.

Проходя мимо белой машины, все еще стоящей у стены, он неловко задел ее буфер ногой и выругался. Он шел, не оглядываясь, и не видел, как за его спиной бесшумно открылась дверка кабины, как из нее вышла женщина, в темном пальто, которое делало ее почти незаметной в ночной мгле. Неслышными шагами она направилась следом за ним.

...Утренний холод заставил Тима Баркета проснуться. Он пошевелил затекшими и озябшими плечами и постарался понять, где находится. Было похоже, что он лежал на каменных плитах подъезда какого-то дома.

Тим Баркет поднял тяжелую голову и разглядел створки входных дверей. Нетрудно было сообразить, что он выбрал плохое место для ночлега: первый же выходящий жилец может разбить дверью его физиономию. Он попробовал повернуться, но почувствовал, как что-то уперлось ему в бок. Он просунул руку под себя и нащупал холодное горлышко бутылки, засунутой в карман пиджака.

Тогда он сел. Вытащил из кармана бутылку и при свете начинающегося утра разглядел на ней пивную этикетку. Бутылка была закупорена и полна, не было сомнения – в ней было пиво!

– Что за черт? – удивился Баркет, хмуря лоб и тщетно стараясь вспомнить, каким образом в его кармане могла оказаться эта бутылка. – Неужели я вчера был настолько пьян, что решил позаботиться о сегодняшнем похмелье?..

Не раздумывая больше, Баркет быстро откупорил бутылку о край каменной плиты, сунул горлышко в рот.

Холодное пиво приятно зацепало в глотке...

Это была последняя бутылка в жизни Тима Баркета.

Подслушанный разговор

– Доктор, что это с вами?

Редактор «Рабочей газеты» с ирландской фамилией О'Патли (его отец родился в Дублине, но сын видел Ирландию только на географической карте), молодой и ярко-рыжий, в шляпе, сдвинутой на затылок, остановил на бульваре доктора, высокого человека в широком мешковатом пиджаке, в глубокой задумчивости шагавшего прямо по мостовой, не обращая внимания на тревожные гудки автомашин и ругань шоферов.

О'Патли взял его под руку и вывел на панель.

– Ну разве можно так, дорогой! – сказал он, заглядывая в лицо доктору своими ласковыми глазами. – Вас сшибет машина, и вы попадете в свою собственную больницу.

– Здравствуйте, О'Патли, – сказал доктор, вяло отвечая на энергичное рукопожатие редактора. – Что-то я плохо себя чувствую.

– Так куда же вы идете?

– Да так просто... Решил прогуляться.

– Ну если у вас нет определенного направления, то вы можете двигаться по любому. Пойдемте со мной.

– А вы куда?

– Я в «Рабочее кафе».

– Знаю, я бывал там. Пожалуй, я пойду с вами, выпью чашечку кофе.

– Ну и чудесно. Я буду ждать нашего корреспондента, а вы будете пить кофе и расскажете свои новости. Я не видел вас с тех пор, как выписался из больницы.

Доктор послушно зашагал рядом. Он рассеянно и близоруко озирался по сторонам и молчал.

– У вас что-то случилось?

– Да так, – промолвил доктор, – голова болит.

– Стыдитесь! Вы должны знать, что большинство болезней происходит от слабости духа, – шутил О'Патли. – Вы помните, как сказал Флорбер: «Если человек захочет – он выздоровеет».

– Это сказано писателем, а не врачом. И вы, О'Патли, когда у вас был аппендицит, тоже не стали лечиться духом, а обратились к медицине.

– Ну, так то аппендицит! – улыбнулся О'Патли. – А знаете, мне кажется, я сейчас определю вашу болезнь. Вам снова урезали смету на содержание больницы?

– Смету?... А, да, да... Смету опять урезали, – вздохнул доктор.

– Вот теперь моя очередь вас лечить! Напишите об этом в «Рабочую газету».

– И вы напечатаете?

– И вы еще спрашиваете? – возмутился редактор. – Мы из вашей заметки сделаем такую статью, что смету вам восстановят на следующий день.

– Вам попадет за нее.

– Велика важность! Да за нее и не попадет, – это не статья о военных заказах. Читали такую?

– Читал, – кивнул доктор. – Только я не понимаю, за что же вам попало. Статья написана, как я понял, на общую тему.

– Вот то-то и оно, – оживился О'Патли. – Поэтому она и проскочила. Так же, как и вы, цензура не нашла в ней ничего особенного. Видите ли, только это между нами, – О'Патли понизил голос, – на наш завод дизелей поступил военный заказ. Но, как это часто принято сейчас делать, под другим, мирным наименованием. Мы узнали. Но написать об этом прямо было нельзя – не пропустили бы. Тогда я подумал и сочинил ту статью. Рабочие у нас теперь

поумнели, им только намекни, до остального они сами додумаются, какой вывод сделать – сами сообразят.

– Тогда за что же вам попало?

– Цензура прохлопала, но шеф полиции, понятно, знал все подробности о военном заказе, – недаром он ставленник Эксона. Он сообразил, куда мы клоним, и вызвал меня для объяснения.

– Что же он вам сказал?

– Многое. А заключил так: «Молодой человек, я великолепно вас понимаю, но я хочу, чтобы и вы поняли меня. Вы на верной дороге к тюремным дверям. Еще одна такая статья, и у вас будут крупные неприятности».

– А вы не боитесь, О'Патли, что шеф полиции в конце концов закроет вашу «Рабочую газету»?

– Он побоится ее закрыть.

– Я этого не понимаю.

– Зато шеф это хорошо понимает: если закрыть газету, то на заводах могут появиться подпольные листовки. А это для него хуже. Сейчас он, по крайней мере, знает, кого взять за воротник.

– Вот он вас и возьмет за воротник.

Некоторое время они шли молча. О'Патли задумчиво глядел под ноги на тротуар.

– Знаете, доктор, – сказал он, – если бы мне попался материал, разоблачающий одного из местных воротил, хотя бы того же шефа полиции... я бы напечатал этот материал при первой же возможности.

– И вас посадили бы в тюрьму.

– Ну и что ж?

– Это глупый риск.

– Ничуть.

– А что же, по-вашему, геройство?

– Нет, милый доктор, это то, что называется классовой борьбой.

Войдя в кафе, О'Патли снова заговорил весело, шутливо.

– Я заказываю, – заявил он. – Я сегодня получил гонорар. Садитесь за столик, доктор. Вон туда, в угол.

Буфетчик с готовностью повернул в сторону О'Патли ухо с черной эбонитовой крышечкой.

– Пива, – сказал О'Патли громко. – Бутылочку. Или лучше две... две бутылки! – и он поднял вверх два пальца. – И чашку кофе с ликером... с ликером! – повторил он и показал рукой, как будто наливает что-то в воображаемую чашку.

Буфетчик закивал головой и вытащил из кармана ключ для бутылок.

Посетителей в кафе было немного. Угол, в котором сидели О'Патли и доктор, был пуст. Буфетчик поставил перед ними заказанное и удалился, шаркая подошвами.

Доктор так долго и так задумчиво размешивал кофе ложечкой, что О'Патли наконец не выдержал.

– Да будет вам. Ну что вы повесили нос? Берите пример с меня. Держу пари, что неприятностей у меня больше, чем у вас, но я, как видите, не теряю хорошего самочувствия!

– Я принимаю ваше пари, – сказал доктор медленно и со значением, – я уверен, что смогу испортить ваше самочувствие.

– Вот как? Ну что ж, попробуйте. Если вам не удастся, вы будете платить за мое пиво.

Осторожно поставив на прилавок стойки пустой поднос, буфетчик оглядел посетителей.

Убедившись, что пока никто не нуждается в его услугах, он через дверь в перегородке прошел в заднюю часть дома...

В кабинете шефа полиции зазвонил один из телефонов, стоящих на специальной тумбочке возле письменного стола.

Фон Штрипс, новый шеф полиции города Зиттина, после обеда вздремнувший в мягком кресле за столом, недовольно приоткрыл один глаз. Протянув руку, он безошибочно снял трубку и, приложив ее к уху, услышал всего два слова:

– «Доктор здесь!»

Фон Штрипс открыл второй глаз, поднял трубку второго телефона и набрал номер.

Безропотно повинаясь законам физики, электрические сигналы со сказочной быстротой помчались по бесчисленным телефонным проводам, заскочили в релейные ящики, хлопнули пластинками реле, промелькнули зеленоватыми искорками в контактах и вернулись обратно.

– Хорошо, – услышал фон Штрипс женский голос. – Я бы хотела знать, о чем он будет говорить.

– Минуточку, фрейлейн. Я включу вас в коммутатор...

Буфетчик вернулся к стойке. Никто из посетителей по-прежнему не интересовался его особой, никто не обращал на него внимания.

Он протянул руку под прилавок, отодвинул в сторону шторку. Открылась мраморная доска с рядами кнопок, расположенных в том же порядке, что и столики в кафе.

Стол, за которым сидели доктор и О'Патли, был первым в левом ряду. Волосатый палец буфетчика надавил кнопку с цифрой 1.

Колебания мембраны микрофона, искусно вделанного в крышку стола, превратились в электрические колебания.

Опять по проводам помчались послушные электрические сигналы, выполняя на этот раз неблагоприятные обязанности шпиона. За десяток километров от кафе телефонная трубка тихо, но отчетливо повторила слова доктора...

Голубое безумие

– Вы помните, – рассказывал доктор, – несколько месяцев тому назад, когда вы лежали у меня в больнице, я говорил вам об одной загадочной болезни...

– Помню, – ответил О'Патли. – «Голубое безумие».

Доктор уронил ложечку в стакан и испуганно уставился на редактора.

– Послушайте, – сказал он наконец, – это очень верное название, но я вам ее так не называл. Вы что-нибудь знаете об этой болезни?

– Успокойтесь, доктор, – улыбнулся О'Патли. – Я не знаю ровным счетом ничего. Вы мне рассказывали о каких-то там симптомах, а я по несносной привычке газетчика конкретизировать факты подобрал слова, годные для газетного заголовка. Но тогда вы говорили про единственный случай.

– За последние месяцы я наблюдал еще четыре. И каждый раз было одно и то же: у больного внезапно снижалась температура, наступало угнетенное состояние. Потом, дня через два, лицо и тело его начинало синеть, и больной быстро впадал в буйное помешательство. Вы, О'Патли, случайно нашли очень верное название, именно «голубое безумие»... Эти больные не подлежали лечению в нашей больнице: у нас имелось распоряжение сообщать о таких случаях в «Городское бюро срочного вызова». К нам приезжала санитарная машина, и больного увозили куда-то в частную клинику.

– В клинику № 11, – вставил О'Патли.

– Вы ее знаете?

– Нет, я знаю только, где она находится.

– Я в то время и этого не знал, – продолжал доктор. – Меня встревожила новая болезнь, не похожая ни на одну из описанных в медицинских учебниках. Мои коллеги тоже не смогли назвать ее. Я просидел неделю в городской библиотеке, но не нашел ответа. А болезнь оказалась серьезной: из всех заболевших вернулся только один. Но он ничего не смог рассказать о том, где его лечили и как. Он очнулся уже у себя дома и ничего не помнил, что с ним делали в клинике. Тогда я решил обратиться в клинику сам. Я позвонил в «Бюро вызова», там ответили, что телефон клиники им неизвестен. Я стал настаивать, и меня соединили... с кем бы вы думали, О'Патли?

Редактор молча пожал плечами. Доктор отхлебнул глоток кофе, вытер губы платком и слабо улыбнулся.

– Вам придется платить за мой кофе, О'Патли, – продолжал он. – Не догадались?... Да с вашим хорошим знакомым...

– Понял, – быстро сказал О'Патли, – с шефом полиции.

– Да, с шефом полиции. Я вначале подумал, что это ошибка.

Но шеф любезно сообщил мне, что никакой ошибки нет, в загородной клинике как раз и изучается новая болезнь. Работа ведется секретно, чтобы не делать паники среди местного населения. Я сообщил, зачем мне нужна клиника, и шеф полиции через свой коммутатор соединил меня с ее старшим врачом. Мне ответил женский голос. Он сообщил коротко, что новая болезнь – это неизученная форма энцефалита – инфекционного заболевания нервной системы... и на этом разговор закончился. Это было все, что я смог узнать.

Доктор допил свой, уже совсем остывший, кофе и отодвинул чашку.

– Теперь начинается самое интересное, – он помолчал и сильно потер пальцами виски, как бы собираясь с мыслями.

Буфетчик включил электричество. Очертания Портового Пригорода сразу исчезли за потемневшими стеклами окон, О'Патли давно уже отставил в сторону недопитый стакан с пивом и слушал настороженно и внимательно.

– Около полумесяца тому назад меня вызвали к больному. Это оказался молодой здоровый мужчина. Я сразу же разглядел зловещую синеву на его отеком лице. Делать было нечего – я позвонил в «Бюро вызова». Больного увезли. Я записал в свой регистрационный журнал, что чертежник с завода дизелей Тим Баркет находится на лечении в клинике № 11. Я долго думал, что записать в главу «диагноз», и оставил ее пустой... Спустя неделю мне сообщили по телефону, что Тим Баркет умер в клинике от сердечного приступа.

Доктор остановился. Близоруко моргая глазами, он несколько секунд напряженно смотрел за окно, на мерцающие в ночной темноте слабые огоньки Портового Пригорода.

– Прошлой ночью я дежурил в больнице, – продолжал он. – Рано утром, перед рассветом шофер ночного такси привез ко мне мужчину без чувств, в больничном белье. Лицо его было искажено и синевато-отечно, но я узнал Тима Баркета.

– Вот как? – вырвалось у О'Патли.

– Очевидно, он бежал из клиники. Шофер рассказал мне, что подобрал больного в кустах загородного шоссе... Рискуя нажить неприятности, я все же решил оставить Баркета у себя в больнице и пока не сообщать о нем в «Бюро вызова». Я велел положить его в моем кабинете, сам осмотрел и перевязал его. Белье на нем было изорвано, вымазано в грязи, на теле синяки и ссадины, а на предплечии я заметил следы уколов шприца. Никакие возбуждающие средства не могли привести его в чувство. Тогда я взял у больного кровь и исследовал ее. И я убедился – в крови совершенно отсутствовал витамин «В». Вам, может быть, это не совсем понятно, О'Патли, – витамин «В» нужен для нормальной деятельности нервной системы человека, – у Баркета был абсолютнейший авитаминоз «В», каких еще не знала история медицины. Я немедленно приготовил витаминозный раствор, ввел больному, и он очнулся.

Вначале он не мог даже пошевелиться, он только плакал, жаловался на головную боль и бредил. Он говорил несуразные вещи. Странно, но в его бреде я чувствовал какую-то логику, какое-то правдоподобие. Я попробовал записать все, что он говорил... Потом дал ему успокаивающее, и он уснул. Вскоре мне позвонил шеф полиции... Поймите меня, О'Патли, я не мог сказать «нет», половина персонала больницы видела, как я принял больного... через пять минут Баркета увезли.

Доктор замолчал.

– Покажите, что вы записали, – попросил О'Патли.

Медленно расстегнув пиджак, доктор полез во внутренний карман. В это время в кафе вошел мужчина в мягкой серой шляпе, сдвинутой на лоб. Правая рука его была засунута в карман широкого пальто. Он оглядел немногочисленных посетителей и остановил свои наглазые, навязчивые, глаза на докторе. Тот невольным движением опустил книжку обратно в карман.

– Кто здесь доктор? – спросил мужчина.

– А в чем дело? – насторожился О'Патли.

– Там на улице какая-то женщина его ищет. Ей сказали, что доктор здесь, – не дожидаясь ответа, мужчина повернулся спиной и подошел к буфетной стойке.

– Подождите, О'Патли, – сказал доктор. Он вышел на улицу и через минуту вернулся. – Мне придется покинуть вас. Там пришла работница с завода. У нее дома что-то случилось с ребенком.

– Может быть, вас проводить?

– Не нужно, – возразил доктор. – Меня здесь все знают, в Портовом Пригороде я везде как дома.

– Тогда дайте мне вашу книжку, – шепнул О'Патли.

– Вы ничего не поймете, – там написано по-латыни. Подождите меня, я постараюсь скоро вернуться.

Мужчина в серой шляпе выпил у стойки кружку пива и вышел следом за доктором, по-прежнему не вынимая руки из кармана пальто.

О'Патли нагнулся к окну. Высокая сутулая фигура доктора, следуя за женщиной, закутанной в темную шаль, промелькнула в полосе света и исчезла в улице, которая, как глухое темное ущелье, уходила вдаль, к порту.

Доктор был прав.

Его рассказ испортил настроение и заставил О'Патли задуматься.

Редактора «Рабочей газеты» давно уже интересовала загородная клиника, построенная на деньги военного фабриканта Эксона неизвестно для чего и занимающаяся неизвестно чем. Ее мирное название не успокаивало О'Патли. Но десятки срочных, по мнению редактора, более важных вопросов мешали ему заняться клиникой. Сейчас он думал, что, пожалуй, зря не зачислил клинику в разряд срочных, неотложных дел и не занялся ею раньше.

...Доктор не возвращался.

О'Патли вертел в руках стакан и с нетерпением поглядывал на темное окно.

Неровные массы домов тяжелыми гранитными глыбами нависали над улицей, погруженной в темную южную ночь.

Дверь кафе распахнулась с такой силой, что на стойке зазвенели бутылки и стаканы. О'Патли вскочил. В ту же секунду смутная, неясная тревога превратилась в ясную, определенную и острую.

– Беда! – услышал он. – Убили доктора!

Запинаясь и проваливаясь в темноте в выбоины старого вытоптанного тротуара, редактор пробежал несколько кварталов. Завернув за угол, увидел небольшую толпу. Слышались взволнованные голоса, шуршали спичечные коробки.

Доктор лежал вниз лицом. При свете нескольких зажженных спичек О'Патли увидел, как на затылке убитого, проступая сквозь редкие светлые волосы, медленно расплывалось темное пятно. Пиджак доктора был расстегнут, его полы расстилались по земле, как крылья подбитой птицы. Просунув руку к его груди, чтобы прослушать сердце, О'Патли сразу же наткнулся на вывороченный карман, где до этого лежала записная книжка.

Книжки не было.

Сердце доктора не билось...

Клиника № 11

За городом, в стороне, противоположной Портовому Пригороду, находились старые каменоломни. Они были заброшены, склоны карьеров заросли дикой акацией и колючим кустарником.

И здесь, в стороне от дороги, окруженное высокой каменной оградой, стояло серое двухэтажное здание. Трудно было судить о его архитектуре, из-за высокой ограды виднелись только крыша и верхний ряд окон, которые мало чем отличали его от прочих зданий города Зиттина.

По верху ограды протянулась колючая проволока, растянута на опорах, очень похожих на электрические изоляторы. Человек, искушенный в электротехнике, вероятно бы, догадался, что по проволоке пропускается электрический ток, и подумал бы, что хозяева этого здания боятся, чтобы кто-нибудь не забрался к ним через ограду... А может быть, и наоборот – не вздумал бы выбраться из-за нее.

В километре от каменоломни проходило асфальтированное шоссе, соединяющее Зиттин с городом Кенн. От шоссе к зданию сворачивала дорога, засыпанная мелким гравием и обсаженная кустами акаций. Дорога подходила к воротам ограды, тяжелые железные створки которых всегда были закрыты.

Тут же у ворот виднелась дверь с круглым окошечком; за дверью – проходная будка.

В будке стоял пустой деревянный стол, у стола – табурет. На табурете сидел здоровенный дежурный с кирпичным лицом. Одет он был в гражданский костюм: серый пиджак, на голове кепка с пуговкой, однако, когда дежурный прохаживался у ворот, в его походке чувствовалась военная выправка.

У дежурного работы немного – через будку проходили редко. В ворота проезжали то крытый служебный грузовик, то санитарная машина с красным крестом на кузове. Дежурный, не вставая с табурета, протягивал руку, поворачивал рычаг на стене, и массивные створки ворот бесшумно и легко распахивались.

Но когда к воротам, мягко шурша по гравию аллеи, без сигнала подкатывала белая спортивная машина, с задернутыми шторками, дежурный вскакивал с табурета. Он торопливо хватался за рычаг и провожал машину почтительным поклоном. В его глазах, похожих на оловянные пуговицы, появлялось выражение страха.

На мощных каменных устоях, поддерживающих створки ворот, врезаны две эмалевые дощечки. На одной, которая побольше, черными выпуклыми буквами было написано:

«КЛИНИКА № 11»

А на другой, что поменьше:

СВИДАНИЯ С БОЛЬНЫМИ ЗАПРЕЩЕНЫ!

...Утро. Только что поднявшееся солнце осветило косыми робкими лучами серые стены клиники, аллею, кусты акаций. В кустах затеяли веселую возню птицы, сбрасывая с листьев сверкающие капельки росы.

Двор клиники пуст. Лишь по дорожке, проложенной вдоль главного фасада, бродил одинокий уборщик в синем измазанном халате...

Уборщик дряхл, немощен и неопрятен. Серые нечесанные волосы космами свисали из-под мятой шляпы, блином сидевшей на голове. Бесцветные глаза, полуприкрытые синеватыми веками, смотрели бессмысленно.

И странно было видеть на таком лице красивый, с горбинкой нос, и на нем очки в изящной золотой оправе.

Подбирая с земли мусор, уборщик посыпал дорожку белым морским песком.

Тихо было вокруг. Только из кустов доносилось птичье щебетание, да изредка звякала по ведру железная лопатка уборщика. Дежурный в будке, склонив голову на стол, сонно посвистывал носом.

Вдруг протяжный крик, непонятный и страшный, пронесся над кустами акаций. Замолкли птичьи голоса. Дежурный вздернул голову, похлопал посоловевшими глазами и опять уткнул лицо в сложенные на столе руки. Опять в кустах завозились птицы.

В окне первого этажа отодвинулась темная штора. За стеклом появилась голова человека в белом капюшоне и в маске, похожей на противогазовую, которая закрывала рот и нос. Поверх маски были видны только светлые, в старческих морщинках, слегка косящие глаза. Уборщик в золотых очках возился под самым окном. При виде его сторбленной фигуры в косящих глазах появилось странное выражение. Так мог смотреть скульптор на изваянную им статую, если статуя получилась такой, какой он ее замыслил.

Уборщик тяжело, с натугой выпрямился. Он увидел человека за окном. И тут же ведро вывалилось из его рук, гримаса ужаса исказила его опухшее посиневшее лицо. Он прикрыл лицо грязным рукавом халата и заковылял испуганно куда-то в угол, загребая песок дорожки слабыми заплетающимися ногами.

...Длинная белая машина, разбрасывая в стороны гравий дороги, пронеслась по аллее и замерла у закрытых ворот клиники.

Дежурный дремал в своей будке...

Дверка машины открылась, и на дорогу неторопливо вышла женщина в шелковом вечернем платье, с меховой пелеринкой на плечах. Стягивая с рук длинные шоферские, с твердыми отворотами, перчатки, она направилась к проходной.

При скрипе двери дежурный приподнял голову, раскрыл сонные глаза, оторопело вскочил и вытянулся. Кирпичное лицо его заметно побледнело. Женщина секунду смотрела на него, глаза ее не выражали ни гнева, ни возмущения. Сделав два небольших шага, она сильно, с размаха, по-мужски, ударила дежурного отворотами перчаток по лицу один раз, другой...

Дежурный, сопя носом и дергая перекосившимся лицом, схватился за рычаг. Железные створки открылись, женщина села за руль, и машина въехала в ограду.

Справа и слева от главного корпуса клиники отходили одноэтажные пристройки, не похожие на больничные, – очевидно, это были помещения обслуживающего персонала. Поблескивал цветной мрамор подъездов.

Круто развернувшись, машина остановилась.

– Демарсе! – сказала женщина усталым, безразличным голосом. – Вы будете спать здесь или поедете домой?

Из машины высунулась заспанная помятая физиономия мужчины. Он посмотрел на синее небо и прищурил выпуклые нагловатые глаза.

– А вы? – спросил он.

– Я пойду отдохну пару часов, – ответила женщина, уже поднимаясь по ступенькам. Мужчина посмотрел ей вслед покорным, по-собачьи преданным, взглядом.

– Возьмите меня с собой.

– Пожалуйста. Я могу положить вас на диване в приемной. Вы как-то уже спали на нем.

– Ну, нет, – попробовал пошутить мужчина. – Лучше я лягу спать на мостовой... Пожалуйста, я поеду обратно в клуб.

– Как хотите. Сейчас я пришлю к вам шофера.

Не оборачиваясь, женщина прошла в двери, которые предупредительно, как бы сами собой, открылись перед ней. Она прошла по коридору, устланному мягкой дорожкой. Попавший ей навстречу служитель в белом халате, с пылесосом в руках, отступил в сторону и, вытя-

нувшись, замер у стены. В маленькой приемной ее встретил второй служитель и с торопливой почтительностью открыл двери кабинета.

Войдя, она бросила на письменный стол перчатки и рядом с ними записную книжку.

Раскрывшиеся страницы книжки были исписаны мелким торопливым почерком, полатыни...

Новый лаборант

Доктор Крейде взглянул на ручные часы и с нетерпением завозился на неудобном кожаном диванчике.

Что за порядки в этой клинике! Уже два часа он сидит в приемной старшего врача, и неизвестно, сколько еще придется просидеть. Должна же быть, в конце концов, какая-то элементарная вежливость... Хотя, может быть, здесь нельзя этого требовать. Клиника производит довольно-таки странное впечатление. Высокий забор, охрана, колючая проволока... Кроме того, как он смог убедиться, о ней мало кто знает в городе. Полицейский у вокзала, как только доктор Крейде обратился к нему с вопросом, перестал быть любезным и ответил, что не знает в городе клиники под таким номером... Пришлось обратиться к шоферам такси. Но только пятый из опрошенных шоферов знал ее местонахождение. Он-то и привез сюда доктора Крейде, а то пришлось бы, пожалуй, ходить до вечера, разыскивая эту безвестную клинику.

Доктор протер белоснежным платочком свои очки и с неодобрением посмотрел на мужчину в белом халате, безучастно сидевшего за столиком. Спрашивать его о чем-либо бесполезно – он был глух и нем, как рыба, у которой он заимствовал свои глаза.

Причем глух в самом прямом понимании, в этом доктор успел убедиться. Когда он начал докладывать о себе, на неподвижном лице служителя не отразилось ничего. Он просто протянул руку, и доктор Крейде, не договорив начатой фразы, подал ему свои документы. Служитель унес их за дверь, через минуту вернулся и опять протянул руку. Пришлось отдать ему рекомендательное письмо господина Эксона, которое доктор хотел вручить старшему врачу сам. Служитель унес письмо в кабинет, вышел и молча показал на диванчик, на котором он, доктор Крейде, и сидит вот уже третий час.

Странные служащие в этой странной клинике. На дворе попался уборщик с лицом дегенерата, но в золотых очках...

Над столом служителя замигал красный сигнал и раздалось гудение такого низкого тона, что доктор Крейде скорее почувствовал его, чем услышал.

Рыбоглазый служитель сорвался с места и стремительно кинулся в кабинет.

«Однако! – подумал доктор. – Здесь умеют муштровать служащих».

Служитель быстро вернулся и знаком пригласил его пройти.

Доктор Крейде встал с надоевшего диванчика, молодецкато выпрямился, поправил галстук-бабочку – всем видом показывая, что он-то не собирается здесь бегать рысью.

Приняв чуть недовольный вид, солидно вошел в открытые двери.

Он почти не удивился тому, что комната, в которую он вошел, не походила на врачебный кабинет. Стены ее были оклеены дорогими обоями, на окнах висели бархатные портьеры, во весь пол расстился пушистый ковер, угол комнаты занимал письменный стол, на нем, рядом с чернильным прибором, стоял узкий хрустальный графин, очевидно, с вином; два высоких бокала сухо поблескивали острыми гранями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.